

«Черный джаз в его лучшем исполнении» —

ВОЗГЛАШАЛА АФИША НА СТЕНДЕ ТЕАТРА ЭСТРАДЫ

Культура. — 1993. — 24 июля. — С. 8.

Высокий джаз — свидетельствую я! (Существуют же «высокая мода» и «высокое искусство», а на уровень искусства джаз поднялся давным-давно). Кэрол Вудс, Лоуренс Гамильтон, Энн Хемптон Каллзвей: парад-алле! Представьте, их обожают даже такие солидные «конторы», как ESTEE LAUDER и газета «We/Мы». Эти «фэны» не только оплатили все на свете, но и обещали щедро одарить рядовых «фэнов», пришедших на концерт, если те пожалуют в магазин фирмы.

Достаточно мил и элегантен был полурусский (по составу) квартет «Джазност», аккомпанировавший певцам и заполнявший «паузы». «А мною заполняют перерыв» — именно так воспринимались их инструментальные композиции, хотя саксофонист Игорь Бутман и делал, что мог, дабы перещеголять бродвейскую троицу.

Вудс, Гамильтон, Каллзвей — не трио, хотя и выступают иногда вместе. Каждый из них — «звезда» первой величины с предельно контрастным, индивидуализированным выражением творческого Я, и приведение к общему знаменателю немислимо. Самая колоритная фигура — безусловно, Кэрол. Богатейший низкий тембр, темперамент в сочетании с волей (с каким юмором руководит она ансамблем!), артистизм (глаз не оторвешь, когда поет!) и, конечно, владение голосом покоряют мгновенно. Средних лет мужчина из публики не выдержал испытания восторгом, поднялся на сцену и встал перед государыней на колени... И смиренно ждал, пока она допоет пассаж и протянет руку для поцелуя. Как я его понимаю!

Полярная противоположность черному зною Вудс — леди Каллзвей. Ее мать окон-

чила консерваторию по классическому вокалу. Хотя дочь — лауреат Кабаре, выучка ощущается с первых тактов. Virtuозностью она, пожалуй, превосходит Кэрол, и когда, имитируя звучание саксофона, она спела «Колыбельную Клары» Дж. Гершвина, зал рыдал! Ее искусство холоднее, рациональнее по сравнению с музыкой негров, в ней больше внешнего блеска, «налета образованности». «Учение — свет», по-видимому, уверена она, с удовольствием щеголяя техническим совершенством.

А в пении Кэрол Вудс «хлещут» стихия, первоизданная сущность джаза, его магического ритма, древняя, как мир, — и уже ты не имеешь сил оценивать кунштюки и колленца, а просто упиваешься, упиваешься... Кэрол вся — природа, Энн Хемптон — цивилизация; вот и пойдешь разберись, которая из них лучше.

Лоуренс Гамильтон (в афише его за что-то превратили в девушку-танцовщицу) кажется Гулливером в обществе двух великанш. Лирик по натуре, он как-то теряется между двумя полюсами. Возможно, он певец лунной (или безлунной) ночи и романтической души. Вдруг его идеал — артист «поет, и звуки тают, как поцелуи на устах»? Однако в степе, посвященном Дюку Эллингтону, танцовщик был подобен Дионису, Пану и всем полубогам античного Олимпа.

...После концерта они очень тепло прощались с нами. Гамильтон сказал: «Я провел восхитительный вечер. Я чувствовал вашу любовь!».

Ах, спасибо вам за любовь, друзья! Мы будем мечтать о вас и томиться в ожидании ваших дисков на прилавках «Мелодии».

Юлия КОРЖ.

● Кэрол Вудс, Лоуренс Гамильтон, Энн Хемптон Каллзвей.

Фото В. Лучина.